

УДК 316.6

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ И СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ

Е. Е. Бочарова

Бочарова Елена Евгеньевна – кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной психологии образования и развития, Саратовский государственный университет, Россия
E-mail: bocharova-e@mail.ru

Представлены результаты эмпирического исследования универсальных и этноспецифических характеристик взаимосвязи социальной активности и субъективного благополучия личности молодежи. Исследование выполнено на пропорционально подобранной выборке представителей молодежи русского и татарского этносов (студентов Саратовского государственного университета, причисляющих себя к русским, и студентов Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического института Республики Татарстан, причисляющих себя к татарам; $n = 120$, женского и мужского пола, 18–20 лет). Применение комплекса методик «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатовой, С. В. Рыжовой), «Морфологический тест жизненных ценностей» (В. Ф. Сопова, Л. В. Карпушиной), «Шкала субъективного благополучия» (М. В. Соколовой), методов сравнительного и корреляционного анализов – позволило выявить этнопсихологическую специфику комплекса взаимосвязей социальной активности и субъективного благополучия. Особое внимание обращает на себя факт наличия этноиндифференцирующих признаков в проявлении социальной активности молодежи в случае переживания субъективного неблагополучия. Выявлены этноиндифференцирующие признаки в проявлении социальной активности молодежи в случае переживания субъективного неблагополучия. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в консультативной практике психологических служб, а также в разработке программ молодежной политики.

Ключевые слова: личность, представители разных этносов, социальная активность, субъективное благополучие.

Введение

Интенсивные социальные изменения, в том числе в сфере этнического бытия, находят свое отражение в плоскости субъективных отношений и переживаний личности, задающих вектор социального самоопределения, самореализации личности, ее социальной активности в разных сферах социальных практик. Особую значимость приобретают исследования субъектной позиции личности молодежи в выборе и реализации субъективных перспектив в условиях тех социальной реальности и культуры, в которых происходит ее социализация. В ряду теоретико-эмпирических исследований, связанных с психологией социальной активности, можно выделить исследования Е. П. Белинской, Т. Г. Стефаненко, Р. М. Шамионова и др., посвященные изучению

этнопсихологических характеристик социального поведения, социализации, субъективного благополучия, социальной успешности, субъективной позиции, социальной активности юношества и молодежи различных этносов [1, 2]. Следует подчеркнуть: отличаясь особой сензитивностью к традициям и новым влияниям, молодежь, по существу, является не только индикатором социальных изменений в обществе, но прообразом российского будущего.

При всей терминологической многозначности социальной активности, исследователи при ее интерпретации склонны обращаться к категории «отношение», что на наш взгляд, вполне оправдано. Согласно представлениям Д. Ф. Ломова, субъективные отношения личности подразумевают не только и не столько объективную связь личности с ее окружением, но то, как личность относится к тем или иным событиям и явлениям мира, в котором она живет. В целом субъективные отношения личности выражают ее субъективную позицию в этом окружении, реализация которой связана с ее субъектностью [3].

Феномен социальной активности рассматривается как субъектная реализация исходных отношений [4]; объективно детерминированное субъективное отношение к социально значимой деятельности [5]; инициативно-творческое отношение личности к сферам своей социальной жизнедеятельности, а также к себе как субъекту социального бытия [2] и др. Вместе с тем не исключается возможность изучения социальной активности как многомерного явления, включающего и состояния, и отношения. При этом первые рассматриваются как качество, которое базируется на потребностях и интересах личности и существует как внутренняя готовность к действию, а вторые – как более или менее энергичная самодеятельность, направленная на преобразование различных областей деятельности и самих субъектов [6].

Таким образом, являясь одной из центральных характеристик субъектной позиции личности, социальная активность представляет собой сложное, динамическое интегральное образование, ключевыми элементами которого являются, прежде всего, осознанность, избирательность, инициативность, самостоятельность и креативность. Вариативность проявления социальной активности порождается множеством взаимосвязей в системе субъективных отношений

личности, например, ценностных, смысловых, эмоционально-оценочных, идентификационных и т.д. Характер соотношения этих взаимосвязей, на наш взгляд, определяет детерминанты социальной активности, придающие ей направленность, отличающуюся при этом разнокачественным содержанием.

В контексте сказанного особого внимания заслуживает вопрос о выявлении комплекса взаимосвязей, детерминирующих социальную активность личности молодежи различных этносов. В качестве таковых нами рассматриваются характеристики взаимосвязи этнической идентичности, субъективного благополучия и социальных установок, проявляющихся в разных сферах жизнедеятельности.

Обращаясь к феноменологии этнической идентичности, отметим, что исследователи склонны рассматривать этническую идентичность не только как результат единого когнитивного процесса идентификации/дифференциации, но и как результат когнитивно-эмоционального самоопределения индивида в социальном пространстве относительно многих этносов. Этническая идентичность есть результат активного процесса, сопровождающегося появлением, прежде всего, переживания отношений Я и этнической среды – своего тождества с одной этнической общностью и отдаления от другой [1, 7]. Это не только осознание, но и оценивание, переживание своей принадлежности к этносу, в «котором происходит непрерывное взаимодействие когнитивных и аффективных компонентов при сохранении результирующей роли последних» [8, с. 64]. В целом этническую идентичность можно рассматривать и как отношение, и как переживание, и как состояние относительно конечного результата самоотжествления, процессуальная сторона которого обеспечивается механизмами идентификации.

Важным обстоятельством при изучении социальной активности в этнопсихологическом курсе является и то, что в психологической литературе представлено множество данных, свидетельствующих, что в зависимости от социальных контекста, ситуации этническая идентичность по-разному выражена. При этом происходит не только определенное изменение содержания идентификационных характеристик, но и их смещение в соответствии с субъективным оценочным значением. В качестве одного из наиболее значимых показателей степени выраженности этнической идентичности или степени сформированности эмоционально-оценочного осознания принадлежности к этнической общности выступает соотношение позитивных и негативных оценочных компонентов, иначе говоря, валентность [1]. Вероятно, что специфика структурной организации этнической идентичности, проявляющаяся в соотношении выраженности ее оценочных компонентов и их межфункциональных связей, задает определенную конфигурацию

системе субъективных отношений, на основе которых происходит «оформление» социального содержания активности личности. В этом случае этническая идентичность выступает одним из механизмов регуляции социальной активности, детерминантой социальной активности.

Достаточно сложным вопросом является изучение паттернов «этническая идентичность – субъективное благополучие» и «социальная активность». По сути, речь идет об изучении композиции отношений, «рельефность» которой во многом обусловлена комплексом факторов ее детерминации, порождающим различные типы проявления активности.

Этническая идентичность, отражая субъективную причастность и отношение личности к своей этногруппе, выступает в качестве этнической составляющей субъективного благополучия, являющего собой интегральную форму эмоционально-оценочного отношения человека к самому себе, различным сторонам своей жизни. При этом важной характеристикой подобного «социокультурного самоопределения» является валентность идентичности (степень позитивности/негативности). Опираясь на данные ранее выполненных исследований, можно констатировать, что принятие своей позитивной этнической идентичности выступает существенным фактором субъективного благополучия личности [2]. Между тем, как показано в ряде исследований, поддержание субъективного благополучия, например, в случае его угрозы, может быть связано со «смещением» или «исключением» своей этнической идентичности. Описывая способы сохранения субъективного благополучия на межгрупповом уровне в этническом разрезе, исследователи отмечают возможность проявления и другой стратегии – социальной конкуренции, социальной мобильности [2], это – проявление социальной активности, являющейся важным условием поддержания, сохранения субъективного благополучия.

Весьма существенным является и то, что этническая идентичность, отражая субъективную причастность личности к своей этногруппе, выражает ее приверженность существующим этническим нормам и предписаниям, традициям. В этом случае этническая идентичность может выступать в качестве механизма ограничения, «сегментирования» социальной активности личности, диапазона сфер ее проявления. Подобное самоограничение можно рассматривать в качестве детерминанты стабилизации субъективного благополучия. Однако особенности формирования этнической идентичности детерминированы не только индивидуальными условиями этнизации, но и зависят от региональной специфики, обусловленной своеобразием полиэтнической ситуации, интернационализации жизни личности. Не исключено, что в этом случае приверженность существующим этническим нормам и предписаниям

может ослабевать, «размываться», что приводит к порождению новых более гибких, «модифицированных» форм социальной активности личности.

Выборка, методики и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составляют данные серии исследований, выполненных на пропорционально подобранной выборке по 60 человек: представителей молодежи русского и татарского этносов (студентов Саратовского государственного университета, причисляющих себя к русским; студентов Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического института Республики Татарстан, причисляющих себя к татарам; женского и мужского пола, 18–20 лет). В качестве диагностического инструментария применен комплекс методик: «Шкала субъективного благополучия» (М. В. Соколовой; согласно автору, высокий индекс субъективного благополучия соответствует низкому уровню субъективного благополучия), «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдаговой, С. В. Рыжовой), «Морфологический тест жизненных ценностей» (В. Ф. Сопова, Л. В. Карпушиной), методы сравнительного (по t -критерию Стьюдента), факторного анализом с применением пакета программы Statistica for Windows 6,0.

Результаты исследования и их обсуждение

Сравнительный анализ структурной организации идентификационной матрицы отношений к собственной группе и представителям иных этнических групп позволил выявить существенные различия в исследуемых выборках. Прежде всего, отметим доминирующую выраженность позитивной этнической идентичности (среднее значение 14,74) и этноиндифферентности (среднее значение 8,56) в выборке русского этноса. Кроме того, этнонигилизм (среднее значение 1,93) в данной выборке отличается наименьшей представленностью на достоверно значимом уровне. У представителей татарского этноса отмечается наибольшая выраженность позитивной этнической идентичности (среднее значение 17,05), этноиндифферентности (среднее значение 10,72); этнонигилизм имеет наименьшую выраженность (среднее значение 3,5) на статистически достоверном уровне. Данный факт свидетельствует о проявлении толерантности представителей русской и татарской молодежи по отношению к собственной и другим этническим группам, готовности к межэтническим контактам.

Согласно данным межгруппового сопоставительного анализа выраженности показателей идентификационной матрицы в исследуемых выборках обнаружены достоверно значимые различия относительно таких показателей как: позитивная этническая идентичность ($t_{st} = 3,15$,

$p < 0,01$), этноиндифферентность ($t_{st} = 2,45$, $p < 0,05$), этнонигилизм ($t_{st} = 1,98$, $p < 0,05$), наибольшая представленность которых отмечается в выборке татарской молодежи. Эти данные можно интерпретировать как проявление толерантности, готовности к межэтническим контактам. В выборке татар на фоне ярко выраженного проявления толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам отмечается достаточно высокая представленность этнической индифферентности в сочетании с этнонигилизмом. На наш взгляд, данный факт свидетельствует в большей степени о готовности как русской, так и татарской молодежи к расширению круга общения, невзирая на национальную принадлежность окружающих.

Сопоставительный анализ выраженности средних показателей субъективного благополучия в исследуемых выборках показал существенные различия на достоверно значимом уровне относительно всех параметров. Так, в выборке русских отмечается меньшая выраженность всех показателей субъективного благополучия, нежели в выборке татар: напряжённость и чувствительность (9,23 и 12,25; $t_{st} = 4,45$, $p < 0,01$, соответственно); психоэмоциональная симптоматика (10,6 и 14,66; $t_{st} = 3,57$, $p < 0,01$); лабильность настроения (3,83 и 5,86; $t_{st} = 3,97$, $p < 0,01$); значимость социального окружения (5,07 и 8,61; $t_{st} = 5,38$, $p < 0,001$); самооценка физического здоровья (4,66 и 7,13; $t_{st} = 4,24$, $p < 0,01$); степень удовлетворённости повседневной деятельностью (8,48 и 10,39; $t_{st} = 2,62$, $p < 0,05$); индекс субъективного благополучия (42,26 и 58,66; $t_{st} = 5,58$, $p < 0,05$). В целом основанием переживания субъективного благополучия как в выборке русских, так и татар выступает удовлетворенность своей деятельностью на фоне достаточно выраженной эмоциональной лабильности и тревожности. Очевидно, что в оценке своего благополучия респонденты ориентируются не на внешние критерии, в частности, на признание окружающих, а на внутренние – удовлетворенность собой.

Опираясь на данные сравнительного анализа выраженности установочных предпочтений у представителей русской и татарской молодежи, можно констатировать достоверно значимые различия. В отличие от представителей татарской молодежи, для которой ценностью *креативности* наиболее значима, у русских предпочитаемыми являются *саморазвитие* и *социальные контакты* ($p < 0,01$). Вместе с тем существенные различия выявлены в стремлении к достижениям: они связаны у русских со сферой общественных интересов, у татар – семейных отношений ($p < 0,01$). Между тем в выборке русских отмечается проявление креативности, инициативы, стремление к реализации своих творческих возможностей в сфере общественных интересов. Кроме того, данные респонденты отличаются стремлениями к завоеванию, поддержанию своего престижа через

сферу увлечений, которые для татарской молодежи менее привлекательны ($t_{st} = 3,55; p < 0,01$). Удовлетворенность русских связана в большей степени, чем у татар, с самореализацией в профессиональной сфере ($t_{st} = 2,65; p < 0,05$).

Факторный анализ структурной организации взаимосвязей параметров субъективного благополучия, этнической идентичности и социальной активности позволил выявить общие и специфические особенности этих взаимосвязей в исследуемых выборках. Выделенные факторы интерпретировались нами как комплексы взаимосвязей, детерминирующих социальную активность личности молодежи различного этноса.

В выборке русских факторный анализ эмпирических данных позволил выделить три фактора с общей дисперсией 58,2%. Первый фактор определен нами как «*готовность к социальной активности*». Его вклад в общую суммарную дисперсию составляет 27,3%. Он имеет высокие нагрузки от следующих переменных – интегральных индексов выраженности: креативности (0,872), социальных контактов (0,852), саморазвития (0,822), достижения (0,812), саморазвития в сфере образования (0,705). Выделение этого фактора свидетельствует о готовности к проявлению социально активной позиции представителей российской молодежи.

Второй фактор определен нами как «*неудовлетворенность собой*». Его вклад в общую суммарную дисперсию составляет 18,7%. Фактор имеет высокие нагрузки от следующих переменных: интегрального индекса выраженности сохранения индивидуальности (0,681), психоэмоциональной симптоматики (-0,650), интегрального индекса субъективного благополучия (0,600) (в соответствии с методикой М. В. Соколовой высокий индекс субъективного благополучия соответствует низкому уровню переживания субъективного благополучия). Иначе говоря, переживание чувства неудовлетворенности актуализирует стремление к независимости, проявлению своей собственной позиции (возможно, компенсации), что приводит, очевидно, к переживанию субъективного благополучия.

Третий фактор мы назвали «*гипертрофированным проявлением этнической идентичности*», его вклад в общую суммарную дисперсию составляет 12,2%. Фактор имеет высокие нагрузки от переменных: интегрального индекса материального благополучия (0,727), этнофанатизма (0,615), сохранения индивидуальности в профессиональной сфере (0,648). Выделение этого фактора позволяет говорить о гипертрофированном проявлении этнической идентичности, сопровождающемся переживанием собственной значимости, гордости в случае успешной самореализации в профессиональной сфере, достижения материального благополучия.

В выборке представителей татарской молодежи факторный анализ эмпирических данных позволил выделить четыре фактора с общей дисперсией 55,7%. Первый определен как «*со-*

циальная нормативность», его вклад в общую суммарную дисперсию составляет 32,5%. Он имеет высокие нагрузки от переменных: интегрального индекса «духовное удовлетворение» (0,842), духовного удовлетворения в сфере образования (0,838), интегрального индекса материального благополучия (0,709), материального благополучия в сфере образования (0,730). Прежде всего, отметим «*биполярность*» данного фактора по своей содержательной наполненности: духовное удовлетворение – материальное благополучие. Очевидно, получение образования связано с надеждой на последующее материальное благополучие, при этом отмечается приверженность этическим, общественным нормам, что приводит к переживанию чувства удовлетворенности собой.

Второй фактор определен нами как «*гиперидентичность*», его вклад в общую суммарную дисперсию составляет 10,7%. Он имеет высокие нагрузки от следующих переменных: этноэгоизма (0,903), этноизоляционизма (0,875), этнофанатизма (0,724). Выделение этого фактора свидетельствует о тенденции к гиперидентичности, гипертрофированному чувству гордости за свой народ.

Третий фактор мы назвали «*стремление к успеху*», его вклад в общую суммарную дисперсию – 6,8%. Он имеет высокие нагрузки от следующих переменных: интегрального индекса выраженности сохранения индивидуальности (0,827), интегрального индекса достижения (0,775), достижения в профессиональной сфере (0,771). Иначе говоря, выделение этого фактора позволяет говорить о стремлении татарской молодежи к достижению успеха, желаемых результатов, особенно в профессиональной сфере при сохранении собственной позиции.

Четвертый фактор определен нами как «*эмоциональное неблагополучие*», его вклад в общую суммарную дисперсию составляет 5,7%. Он имеет высокие нагрузки от переменных: психоэмоциональной симптоматики (0,908), интегрального индекса субъективного благополучия (0,896), значимости социального окружения (0,796), лабильности настроения (0,742), напряженности и чувствительности (0,649). Этот фактор представлен практически всеми компонентами субъективного благополучия.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что в целом у представителей русской и татарской молодежи есть принятие своей позитивной идентичности на фоне проявления толерантности к другим этническим группам, готовности к межэтническим контактам.

Основанием переживания субъективного благополучия как в выборке русских, так и татар является удовлетворенность своей деятельностью на фоне достаточно выраженной эмоциональной лабильности и тревожности. В оценке своего бла-

гополучия представители русского и татарского этносов ориентируются на внутренний критерий – удовлетворенность собой.

В отличие от представителей татарской молодежи, для которых ценность креативности наиболее значима, для русских предпочтительнее саморазвитие и социальные контакты. Вместе с тем существенные различия выявлены в стремлении к достижениям, связанные у русских со сферой общественных интересов, у татар – со сферой семейных отношений. Между тем в выборке русских отмечаются проявления креативности, инициативы, стремление к реализации своих творческих возможностей в сфере общественных интересов. Кроме того, данные респонденты отличаются стремлениями к завоеванию, поддержанию своего престижа через сферу увлечений, которые для татарской молодежи являются менее привлекательными. Удовлетворенность русских связана в большей степени с самореализацией в профессиональной сфере, в отличие от татар.

Факторный анализ позволил выявить общие и специфические особенности комплексов взаимосвязей, детерминирующих социальную активность личности молодежи различного этноса: готовность к социальной активности, неудовлетворенность собой, гипертрофированное проявление этнической идентичности – у русской молодежи; у представителей татарской молодежи – социальная нормативность, гиперидентичность, стремление к успеху, эмоциональное неблагополучие. Особое внимание обращает на себя факт наличия этноиндифференцирующих признаков в проявлении социальной активности молодежи в случае переживания субъективного неблагополучия.

Библиографический список

1. *Белинская Е. П., Стефаненко Т. Г.* Этническая социализация подростка. М., 2000. 208 с.
2. *Шамионов Р. М.* Субъективное благополучие личности : психологическая картина и факторы. Саратов, 2008. 200 с.
3. *Ломов Б. Ф.* Системность в психологии : избр. психол. тр. М. ; Воронеж, 2003. 422 с.
4. *Петровский А. В.* Проблема развития личности с позиции социальной психологии // *Вопр. психологии.* 1984. № 4. С. 15–30.
5. *Сухобская Г. С.* Социальная и социально-психологическая зрелость: основы идентификации личности в образовательном процессе // *Понятийный аппарат педагогики и образования : сб. науч. тр. М., 2007. Вып. 5. С. 24–35.*
6. *Бехтерев В. Ф.* Избранные работы по социальной психологии. М., 1994. 400 с.
7. *Шпет Г. Г.* Психология социального бытия. М. ; Воронеж, 1997. 492 с.
8. *Васильюк Ф. Е.* Психология переживания : анализ преодоления критических ситуаций. М., 1984. 200 с.

Universal and Culture-Specific Peculiarities of Interconnection Between Social Activity and Personal Subjective Well-Being

Elena E. Bocharova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: bocharova-e@mail.ru

The article presents empirical research materials devoted to universal and culture-specific peculiarities of interconnection between social activity and personal subjective well-being. The study was performed on the selected sample is proportional to the representatives of Russian and Tatar youth (Russian and Tatar students of Saratov State University and Tatar students of Nizhnekamsk Branch of Moscow Humanitarian-Economic Institute of the Republic of Tatarstan; $n = 120$, males and females, aged 18–20 y.o.). The use of complex techniques: «The scale of subjective well-being» (M. V. Sokolova), «Types of ethnic identity» (H. W. Soldatova, S. Ryzhova), «Stemming the test values in life» (V. F. Sopov, A. B. Karpushina), comparative methods and factor analysis revealed particularly of subjective well-being, its criteria and bases, the specific manifestations of social activity. Revealed the existence of the étnoidifferenciuruših signs in the manifestation of social activity of youth in the event experience subjective distress. The applied aspect of the problem under study can be realized in counseling practice of psychological services, as well as in the development of programs of the youth policy.

Key words: personality, representatives of different ethnos, social activity, subjective well-being.

References

1. *Belinskaya E. P., Stefanenko T. G.* *Etnicheskaya sotsializatsiya podrostka* (Ethnic socialization of teenager). Moscow, 2000. 208 p. (in Russian).
2. *Shamionov R. M.* *Sub"ektivnoe blagopoluchie lichnosti: psikhologicheskaya kartina i faktory* (Subjective well-being of personality : psychological picture and factors). Saratov, 2008. 208 p. (in Russian).
3. *Lomov B. F.* *Sistemnost' v psikhologii: Izbr. psikhol. tr.* (The system is in psychology). Moscow ; Voronezh, 2003. 422 p. (in Russian).
4. *Petrovski A. V.* *Problema razvitiya lichnost' s pozitsii sotsial'noï psikhologii* (Problem of development personality from position of social psychology). *Voprosy psikhologii* (Voprosy psikhologii), 1984, no. 4, pp. 15–30 (in Russian).
5. *Sukhobskaya G. S.* *Sotsial'naya i sotsial'no-psikhologicheskaya zrelost': osnovy identifikatsii lichnosti v obrazovatel'nom protsesse* (Social and socially-psychological maturity : bases of authentication of personality in an educational process). *Ponyatiny apparat pedagogiki i obrazovaniya* (The Concept vehicle of pedagogics and education). Moscow, 2007, vol. 5, pp. 24–35 (in Russian).
6. *Bekhterev V. F.* *Izbrannye raboty po sotsial'noï psikhologii* (Select works on social psychology). Moscow, 1994. 400 p.
7. *Shpet G. G.* *Psikhologiya sotsial'nogo bytiya* (Psychology of social life). Moscow ; Voronezh, 1997. 492 p. (in Russian).
8. *Vasilyuk F. E.* *Psikhologiya perezhivaniya: analiz preodoleniya kriticheskikh situatsii* (Psychology of experiencing : analysis of overcoming of critical situations). Moscow, 1984. 200 p. (in Russian).